

УДК 902.94

DOI 10.46698/q4027-2909-9366-y

Владимир Таймуразович Чшиев

Центр скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Россия, Владикавказ, e-mail: hacht@mail.ru.

Зилгинское раннеаланское городище: древний мегаполис на трассе Великого шелкового пути

Аннотация. В статье рассматриваются раннесредневековые памятники предгорной части РСО-А – Зилгинское раннеаланское городище и оставленный населением Бесланский катакомбный могильник.

Ключевые слова: Зилгинское раннеаланское городище, Бесланский катакомбный могильник, памятники культуры Осетии-Алании эпохи раннего средневековья, аланы, транскавказские ветви Великого шелкового пути.

Vladimir T. Chshiyev

Ph.D., Senior Researcher of the «Centre for Scytho-Alanic Studies», Russia, Vladikavkaz, e-mail: hacht@mail.ru.

Zilga early Alan settlement: ancient megapolis on the Great Silk Road

Abstract. The article looks into the early medieval monuments of the foothill part of the Republic of North Ossetia-Alania – the Zilga early Alan settlement and the Beslan catacomb burial ground left by its population.

Keywords: Zilga early Alan settlement, Beslan catacomb burial ground, cultural monuments of Ossetia-Alania of the early Middle Ages, Alans, Transcaucasian branches of the Great Silk Road.

Еще одним интересным и важным историко-культурным объектом Осетии-Иристана является Зилгинское раннесредневековое городище. Памятник является важным объектом культурного наследия федерального (всероссийского) значения. Городище поставлено на государственную охрану указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального значения» № 176 от 20.02.1995 г. Этот, по меркам эпохи средневековья, мегаполис является одним из самых крупных населенных пунктов аланской культуры Северного Кавказа раннего этапа.

Илл. 1. Аэроснимок Зилгинского городища

Памятник находится в Правобережном районе Республики, на юго-восточной окраине селения Зилги, в 1,5 км к северо-западу от города Беслан (илл. 1).

Обратимся к расположению и топографии рассматриваемого памятника. Территория района его местонахождения весьма примечательна в плане географии. Она входит в лесостепную зону с неустойчивым увлажнением, климат умеренно-континентальный. Район умеренно сухой. Эта область характеризуется одними из лучших на территории нашей республики почвенными ресурсами (черноземы Цалыкского плато) и хорошими внешнеэкономическими связями с другими регионами, как сейчас, так и в эпоху древности и средневековья. В геоморфологическом отношении памятник расположен на Северо-Осетинской предгорной равнине и территориях, прилегающих к Кабардино-Сунженскому хребту. Отметим также, что, согласно палеопочвенным исследованиям, в эпоху бытования рассматриваемого нами городища климат данного района был в плане увлажнения еще более благоприятным [5, с. 63; 12, с. 317]. Таким образом, древние основатели этого города, который нам сегодня известен под наименованием Зилгинского городища, расположили его в исключительно благоприятном с точки зрения развития земледелия и скотоводства микрорайоне. С юга городище защищено от холодных атмосферных фронтов Лесистым хребтом, с севера – Кабардино-Сунженским хребтом. Располагаясь на Осетинской наклонной равнине, оно при этом «приподнято», так как непосредственно заложено на возвышенности Герменчик. С севера и северо-запада,

**Илл. 2. Цитадель Зилгинского городища.
Фото с квадрокоптера (раскопки 2020 г.)**

как предполагается, городище омывалось водами реки, которую мы сегодня именуем Камбилеевкой. В последующие эпохи река «отступила» к северу, где и протекает в настоящее время. С юга к склонам городища, вероятно достаточно близко, подступала река Терек или один из ее рукавов. Близость этих водных артерий не только усиливала обороноспособность города, но служила, разумеется, в качестве доступного источника питьевой воды, а также воды, применявшейся для бытовых нужд. Большое количество воды требовалось также для обслуживания многочисленных ремесленных и обрабатывающих производств: выплавка цветного и черного металла, кузнечное дело, изготовление керамики и т. д. При этом ни предыдущими исследователями, ни нашими раскопками 2020 года колодцев на территории городища не зафиксировано. Что подтверждает предположение о снабжении города водой из Камбилеевки.

Зилгинское городище известно специалистам-исследователям с 1969 года. Впервые было обследовано археологической экспедицией Северо-Осетинского НИИ во главе с В.А. Кузнецовым в 1981 году. С 1985 по 1987 г. исследовалось объединенной экспедицией СОНИИФЭ и Института археологии РАН под руководством В.Б. Ковалевской, Д.В. Деопик, И.А. Аржанцевой [1–6; 9]. С 1988 по 1991 годы на памятнике ежегодно работала Археологическая экспедиция СОГУ им. К.Л. Хетагурова под руководством С.Б. Дзудева. В октябре – начале декабря 2020 г. на территории городища и прилегающей к нему с юга части Бесланского аланского катакомбного могильника нами были произведены охранно-спасательные раскопки, вызванные необходимостью реконструкции автодороги, проложенной здесь в 50-е года XX в. Общая площадь городища составляет около 1,5 кв. км. Цитадель памятника представляет наиболее возвышенную часть города. Это округлый в плане холм с плоской вершиной размером 80 x 80 м. Реконструируемая техника возведения цитадели свидетельствует о владении соорудившими ее мастерами сложными приемами построения многоплановых фортификаций. Изначально

существовавший здесь природный глинистый холм был досыпан такой же глиной, выровнен в верхней части и укреплен по периметру вершины глинобитной платформой. Склоны холма были эскарпированы под крутым углом. С северной стороны цитадели естественной ее защитой являлась река Камбилеевка. С остальных сторон цитадель защищена глубоким рвом, в древности достигавшим глубины 10 м. Со стороны южного склона цитадели расположен въезд, хорошо различимый в рельефе местности и сегодня. Въезд в цитадель фланкирован двумя небольшими возвышенностями – вероятно, в историческое время это были боевые башни, примыкавшие к крепостной стене или являвшиеся структурным элементом ее защиты. От въезда в юго-восточном направлении пролегла древняя дорога. Раскопки, проведенные в этом месте в 1985–1987 гг. В.Б. Ковалевской, Д.В. Деопиком и И.А. Аржанцевой, позволили прояснить структуру цитадели и приемы ее сооружения. Сам въезд (продолжение дороги) и прилегающий к нему участок внутреннего пространства цитадели были в несколько накатов покрыты глинобитной платформой. «Сделано это было с двойной целью: 1) укрепление самого полотна дороги на въезде, т. к. почва здесь довольно мягкая и влажная; 2) нивелировка естественных неровностей... Поверх платформы в несколько слоев сохранилась вымостка из речного камня» [1, с. 77]. Раскопки позволили восстановить и структуру обводной стены цитадели. Стена была построена из глиняного сырца (глино-саманная), снаружи и с внутренней стороны укреплена валунами. Речной булыжник был использован не только для создания внешнего «панциря» стены, но и применялся в виде горизонтальных прослоек внутри. В нижней части внешнего обвода стена была укреплена (усилена) крупными пахсовыми блоками размером 50 x 100 см. По мнению Д.В. Деопик и И.А. Аржанцевой, «нижняя часть стены представляет собой, видимо, систему клетей из желтого очень плотного глино-самана, забутованных комьями серой плотной глины или же кусками сырца, смешанного с костями животных или керамикой» [1, с. 78]. Центральная часть цитадели строителями также была выровнена и затем на этой площадке сооружена платформа из пахсовых блоков уже более крупных размеров – 100 x 100 x 200 см. [1, с. 78]. Кроме цитадели в структуру городища входят 6 жилых холмов, также окруженных рвами. Ширина, глубина и длина рвов городища настолько велики, что ввели в заблуждение даже такого выдающегося исследователя-кавказоведа, как Е.И. Крупнов. Евгений Игнатьевич в 60-гг. XX в. называл такие рвы «ущельями-проходами», отказываясь видеть в них искусственные сооружения и сопоставляя их с геологическими озерами, образовавшимися в результате ледниковой деятельности [9, с. 101]. Как справедливо замечает по этому поводу В.А. Кузнецов: «...грандиозные рвы аланских городищ, эти своего рода «египетские пирамиды» Предкавказья, существуют и свидетельствуют о незаурядности их создателей» [9, с. 101]. Добавим к изложенному, что несколько научных экспедиций, исследовавших этот

**Илл. 3. Разрез оборонительного рва.
Холм № 5 (раскопки 2020 г.)**

памятник ранее 2020 г., зафиксировали здесь 4 глубоких рва, разделяющих жилые холмы и цитадель. Наши раскопки 2020 г. позволили выявить в южной части жилого холма № 5 еще один, пока пятый по счету, оборонительный ров, а также прояснить его достаточно простую конфигурацию. Линия борта рва спускалась под острым углом ко дну, перемежаясь в двух местах небольшими горизонтальными полками-площадками. Это свидетельствует о том, что древние мастера – строители укреплений городища были хорошо знакомы с принципами построения сложных фортификационных систем. Кроме того, обнаруженный недавно 5-й ров городища свидетельствует о том, что данный масштабный археологический памятник, который известен науке уже много десятилетий, скрывает еще много интересных «сюрпризов» и сулит большие научные перспективы при его дальнейшем исследовании.

Холм № 5 является и наиболее крупной частью всего городища. Только в ходе наших раскопок на нем было выявлено и исследовано около 150 жилых и

Илл. 4. Ров № 4 (раскопки 2020 г.)

хозяйственных объектов. «Этот район можно было бы назвать «посадом» нашего городища. Это действительно была некая хозяйственная периферия: характер культурного слоя, достигающего здесь мощности до 3 м, свидетельствует об интенсивной жизни – обилие керамики, костей животных и ям различной конфигурации и различного назначения (зерновые, хозяйственные, производственные, с остатками очажных выбросов, с керамическим браком, со шлаком, с костями животных и т. д.)» [1, с. 79]. Общая датировка городища сегодня укладывается в хронологический период с I в. по V вв. н. э. При этом наиболее активная жизнедеятельность на памятнике фиксируется с II по IV вв. н. э. Некоторую часть материалов городища составляют находки VI–VII вв. н. э. Как было отмечено выше, на городище функционировали многочисленные гончарные мастерские, продукция которых поставлялась в соседние аланские населенные пункты, а также и в более удаленные регионы – Нижнее Подонье, другие районы Предкавказья, Южное Приуралье. Среди наиболее многочисленных находок среди материалов городища – каменные зернотерки, куранты, оселки, грузила от рыболовных сетей, керамические пряслица. Зафиксировано несколько случаев, в том числе нашей экспедицией 2020 г., находок ручных жерновов. Большое количество разнообразной, прекрасно отформованной и обожженной посуды. Это крупные пифосы для хранения зерна и, возможно, масла и вина, кухонная и столовая керамика – горшки, кувшины, корчаги, миски, кружки, черпачки. Много предметов импорта: посуда – античные амфоры и краснолаковая керамика, керамические и стеклянные сосуды, бусы с территории производственных центров Причерноморья, Боспора, Закавказья, Кавказской Албании. Заслуживают внимания и найденные нами в ходе раскопок городища бараньи астрагалы – альчики. Лощенная поверхность, а также наличие в одном случае процарапанной «тамги» владельца, свидетельствует о том, что их использовали для игры или каких-то ритуальных действий. Здесь уместно вспомнить, что, как известно, игра в альчики знакома многим народам Кавказа, и еще совсем недавно бытовала в живом осетинском быту.

Городище построили и населяли земледельцы с развитым скотоводческим укладом. В хозяйственных ямах и слоях памятника было зафиксировано большое количество костей молодых свиней и поросят, овец, коз, крупного рогатого скота, лошадей, кур. Приводя усредненные данные по рациону жителей и стаду раннеаланских городищ Центрального Предкавказья, один из ведущих специалистов по аланской проблематике д. и. н. Д.С. Коробов отмечает такие цифры: «Оказалось, что более половины из найденных костей принадлежало крупному рогатому скоту, около 20 процентов – овцам и козам и по 10 процентов приходилось на лошадей и свиней». И далее исследователь

**Илл. 5. Хозяйственные, зерновые ямы.
Холм № 5 (раскопки 2020 г.)**

делает справедливый вывод: «Перед нами типичный спектр домашних животных оседлых земледельцев и скотоводов, ведь со свиньями никто не кочует! Значит, аланы не были кочевниками...?» [8, с. 21]. В слоях Зилгинского городища встречаются, кроме того, кости верблюдов и благородного оленя, крупные кости

Илл. 6. Жилище. Холм № 3 (раскопки 2020 г.)

осетра. Как мы уже отмечали, Зильги входила в систему оживленных караванных путей межнациональной торговли, что косвенно и подтверждают находки здесь костей верблюдов. Находки же рогов и костей благородных оленей (только нашими раскопками 2020 г. было выявлено несколько случаев, в том числе почти полный скелет этого животного) свидетельствуют, что «зилгинские» аланы были и хорошими охотниками. Добавим, что рога и черепа оленей, которые нам довелось видеть в ходе работ на памятнике, превосходят по размерам современные экземпляры. Вероятно, в эпоху бытования городища эти животные достигали более крупных размеров, или можно допустить, что здесь тогда водился какой-то другой подвид оленя.

Зилгинское городище расположено на трассе одной из важных раннесредневековых транскавказских коммуникаций, связывавших Предкавказье, Северное Причерноморье, Нижнее Подонье с Закавказьем, Передней, Средней Азией и пр. Отчасти этим объясняется и бурный расцвет этого города уже в первое время после своего зарождения. Городище исторически связано с группой аналогичных крупных бытовых раннеаланских памятников зоны предгорий и равнин Центрального Кавказа. Это такие раннесредневековые укрепленные населенные пункты, как Нижний Джулат, Терекское, Хамидиевское, Урваньское, Аргуданское, Старо-Лескенское, Алхан-Калинское, «Ачим-Боарз», Брутское («Каууат»), Киевское, Братское, Эльхотовское, Змейское, Раздзогское и другие [3; 6–11; 13]. Как справедливо отмечает М.Ю. Малашев по этому поводу: «Можно сделать вывод, что для периода II – IV вв. н. э. мы имеем дело с чрезвычайно яркой и мощной культурой, феномен развития и расцвета которой пока еще не раскрыт. Высокий экономический потенциал нашел отражение в строительстве громадных фортификационных сооружений и в оформлении трудоемких погребальных конструкций, что требовало высокой организации общества...» [5, с. 66] (выделено нами. – В. Ч.).

Судьба населения Зилгинского городища после окончания его активной фазы функционирования неизвестна. Возможно, население оставило город вследствие изменения климата, как полагает ряд исследователей-кавказоведов, возможно, покинуло свой город вследствие нашествия варварских племен. Определенного ответа на этот вопрос пока не имеется. Но для раскрытия этой тайны, на наш взгляд, важное значение имеет анализ большого пласта раннеаланских памятников, предпринятый Д.С. Коробовым, в том числе в недавней монографии исследователя «Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика». Автор, опираясь, в том числе, на данные исследований С.Ю. Фризена и З.П. Кадза-

Илл. 7. Камера катакомбы (раскопки 2020 г.)

евой, полагает, что ряд групп аланского населения предгорно-равнинной части Центрального Кавказа в конце первой половины 1 тыс. н. э. передвинулись в горную зону региона. И, в частности, что Зилгинские (Бесланские) аланы ушли в горы современной РСО-А и положили начало таким памятникам, как Садонский катакомбный аланский могильник. «... Могильники Беслан, Брут 2 и, возможно, Паласа-Сырт являются предковыми для населения Садона» [8, с. 50] (выделено нами. – В. Ч.).

Рассматривая городище, нельзя обойти вниманием и связанный с ним своим происхождением аланский катакомбный могильник. Могильник, который является некрополем Зилгинского городища, официально называется Бесланский подкурганый катакомбный могильник аланской культуры и находится на северо-восточной окраине г. Беслана. Он как бы охватывает территорию Зилгинского городища с юга, юго-востока и юга-запада и местами перекрывает этот средневековый город. Могильник занимает огромную площадь – более 700 гектаров. Погребальные сооружения могильника представляют собой катакомбы Т-образной в плане формы – выкопанные в глинистых пластах подземные склепы с коридорами – входными ямами подпрямоугольной формы на глубине до 10 метров, снабженные, как правило, ступеньками у задней стенки. Камеры склепов овальной или подпрямоугольной в плане формы и стрельчатым или полукруглым сводом. Сверху над катакомбами были насыпаны курганы, которые сегодня уже не видны визуально. Вокруг них зафиксированы ровики кольцевой или квадратной формы с двумя меридианально рас-

положенными перемычками в соответствии с ориентировкой входных ям-коридоров. Встречаются и катакомбы без курганов и ровиков [5].

Первые отдельные находки, свидетельствующие о существовании здесь могильника, попали в руки научного сообщества уже в 1957 и 1979 гг. [9, с. 98]. В 1970 г. В.А. Кузнецовым в карьере Зильгинского кирпичного завода была обследована разрушенная экскаватором подземная конструкция, названная ученым «интересное сооружение». Описывая его, Владимир Александрович отмечает: «Общее конструктивное сходство с катакомбами не вызывает сомнений, но данное сооружение не было погребальным, так как ни костей, ни находок в камере не оказалось. Назначение сооружения неясно, возможно, что оно служило тайником» [9, с. 98]. Вполне понятны сомнения известного исследователя, так как большие размеры «сооружения» совершенно не соответствовали имевшемуся в то время представлению в науке о размерах аланских катакомб. «Камера в плане была четырехугольной, размеры 3,10 x 2,50 м, пол ровный, стены плавно переходят в конический свод... Высота камеры 2,45.» [9, с. 98]. В 2020 г. вблизи от этого «сооружения» нашей экспедицией были выявлены 12 аланских катакомб, одна из которых приближалась по размерам к исследованной В.А. Кузнецовым. Таким образом, сегодня уже можно констатировать, что могильник, оставленный жителями Зильгинского городища, частично охватывал последнее с юго-запада. В то же время В. А. Кузнецов, опираясь на планиграфию Зильгинского городища, на наличие у восточной его окраины небольших холмов, трактованных им как курганы катакомб, а также на археологические находки 1957 г. с территории уже Бесланского кирпичного завода, прозорливо указал на вероятность наличия здесь катакомбного могильника, связанного с городищем, что в последующие годы подтвердилось в результате раскопок.

Планомерное археологическое изучение Бесланского аланского могильника началось с 1988, когда на нем начались охранно-спасательные раскопки, проводившиеся Археологической экспедицией СОГУ им. К.Л. Хетагурова. В дальнейшем в течение более чем 20 лет на памятнике были проведены масштабные спасательные археологические раскопки, большей частью под руководством Ф.С. Дзудцева, благодаря чему были спасены для науки и культуры. Сотни уникальных артефактов аланской культуры стали украшением экспозиций наших музеев.

Говоря о многолетних спасательных археологических работах на Бесланском аланском могильнике, нельзя не вспомнить директора Института истории и археологии РСО-А проф., д. и. н. М.М. Блиева. Марку Максимовичу удалось доказать в конце 80-х гг. XX в., в том числе в высших коридорах власти, что необходимо остановить разрушение катакомб Бесланского могильника и начать их планомерное исследование. Благодаря этому, впервые в истории РСО-А, было положено начало практике масштабных охранно-спасательных археологических раскопок памятников нашей истории. Собственно, и организация планомерных ар-

Илл. 8. Кувшин с зооморфной ручкой (раскопки 2020 г.)

хеологических исследований Зилгинского городища в конце 80-х гг. XX в. также связана с именем М.М. Блиева.

Подавляющая часть катакомб Бесланского аланского могильника была ограблена в древности. Большая удача для археологов найти здесь не тронутые погребения. Захоронения в катакомбах могильника чаще одиночные, редко встречаются парные (муж и жена) или погребения трех человек. Как правило, погребенные были ориентированы головой на восток.

Нередко встречается такая деталь, как посыпание пола камеры катакомб древесным углем. Ведущими категориями погребального инвентаря могильника являются: керамическая и изредка стеклянная (импортная) посуда – кувшины и кружки, в том числе с зооморфными ручками, миски с загнутыми внутрь краями; железные обоюдоострые массивные мечи, кинжалы, ножи, удила; бронзовые изделия – круглые зеркала с петелькой на оборотной стороне, фибулы, ременная гарнитура, украшения и пр.; золотые и серебряные – бляшки, привески, серьги и т. д.; сердо-

ликовые, гранатовые, стеклянные, фаянсовые бусы и подвески. Важное место в перечне погребального инвентаря могильника занимают предметы, связанные с упряжью верхового боевого коня. Это удила, псалии, декоративные накладки на уздечку, фалары, привески, колокольчики, нащечники и т. д. из бронзы, серебра, золота. Зачастую украшения коня превосходят своим богатством украшения хозяина. И это не случайно. Конь должен был служить аланскому воину не только в этом мире, но и сопровождать его

Илл. 10. Входная яма катакомбы со ступеньками (раскопки 2020 г.)

Илл. 9. Украшения сбруйного комплекса. Бесланский катакомбный могильник. Раскопки Ф.С. Дзуцева (раскопки 2020 г.)

и быть важным элементом перехода хозяина в потусторонний мир. Об этом свидетельствуют многочисленные данные как археологических, так и письменных источников о северо-иранских племенах древности и средневековья: киммерийцах, скифах, сарматах, аланах. До недавнего времени конь занимал важнейшее место как в повседневном быту и на войне, так и в погребальных обрядах осетин. В частности, это специальный обряд посвящения коня покойному хозяину – *бæхфæлдисæн* и обычай устраивания скачек в честь умершего мужчины-воина (дугъ). Еще одна характерная черта погребального обряда Бесланского катакомбного могильника, это укладывание в погребение частей туши барашка, как правило, ног.

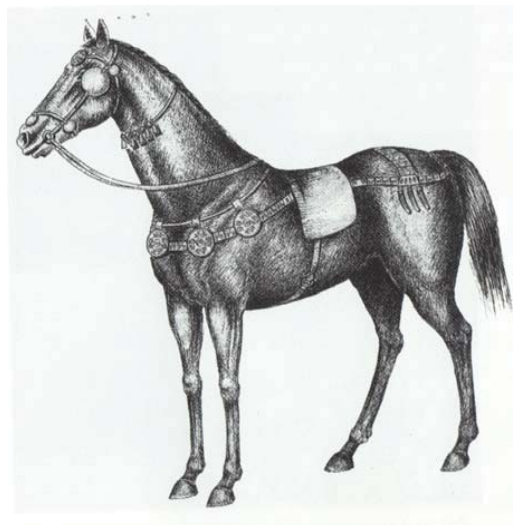
Наши раскопки 2020 года, кроме прочего, показали, что в южной и юго-западной части городища произошло смыкание двух этих памятников, позволили уточнить количество и форму

Илл. 11. Находки из катакомб (раскопки 2020 г.)

фортификационных сооружений этого грандиозного сооружения раннесредневековых алан.

Культурно-исторический комплекс, который образуют Зилгинское городище и сопутствующий ему катакомбный могильник, является ярким и ценным источником для прояснения раннесредневековой истории Северного Кавказа и, косвенно, юга Восточной Европы. Этот древний город может многое рассказать не только о ранней истории алан, но и о других народах той эпохи, с которыми судьба его жителей так или иначе была связана, – о населении Северного Причерноморья, Нижнего Подонья, Закавказья, гуннах, аварях и др.

Илл. 12. Парадный сбруйный комплекс из катакомбы № 150 Бесланского раннеаланского могильника. Реконструкция Ф.С. Дзудева (раскопки 1991 г.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аржанцева И.А., Деопик Д.В. Зильги – городище начала 1 тыс. н. э. на стыке степи и предгорий Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и среднего Востока / Всесоюзная ассоциация востоковедов. – Москва, 1989.
2. Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: an early Alan proto-city of the first millennium AD on the boundary between steppe and hill country // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen Age. Leiden. o., 2000.
3. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. – М., 2009.
4. Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья I–IV вв. н. э. по материалам городища Зильги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. – Москва, 1988. Ч. 2.
5. Дзудев С.Ф., Малашев В.Ю. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988–2014 гг. // Алано-Кавказская библиотека / Ред. В.А. Кузнецов. – Владикавказ, 2015.
6. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э.: ОНТИ ПНЦ РАН. Пушchino, 2005.
7. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в 1 тыс. н. э. Т. 1–2. М.; – СПб.: Нестор – История, 2017.
8. Коробов Д.С. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. – СПб.: Нестор – История, 2019.
9. Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе, 1986.
10. Малашев А.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. – М., 2001.
11. Малашев А.Ю. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э. // КСИА. № 234. – М., 2014.
12. Хохлова О.С., Хохлов А.А., Гольева А.А. Приложение 1: Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия-Алания // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. – М., 2009.
13. Туаллагов А.А. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан. – Владикавказ: СОИГСИ, 2007.

REFERENCES

1. Arzhantseva I. A., Deopik D. V. Zilgi-a settlement of the beginning of the 1st millennium AD at the junction of the steppe and the foothills of North Ossetia // Scientific notes of the Commission for the Study of monuments of civilizations of the Ancient and Middle East / All-Union Association of Orientalists. – Moscow, 1989.
2. Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: an early Alan proto-city of the first millennium AD on the boundary between steppe and hill country // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen Age. Leiden. o., 2000.
3. Gabuev T. A., Malashev V. Yu. Monuments of the early Alans of the central regions of the North Caucasus. – M., 2009.
4. Deopik D. V. Ceramics of the Central Ciscaucasia of the 1st-4th centuries AD. according to the materials of the Zilgi settlement (North Ossetia) // Material Culture of the East. – Moscow, 1988. Ch. 2.
5. Dzutsev S. F., Malashev V. Yu. Beslan archaeological complex of the Early Alanian epoch (some results of research in 1988-2014) // Alano-Kavkazskaya biblioteka / Ed. V. A. Kuznetsov. – Vladikavkaz, 2015.
6. Kovalevskaya V. B. Kavkaz-Scythians, Sarmatians, Alans 1 thousand BC - 1 thousand AD: ONTI PNC RAS. – Pushchino, 2005.
7. Korobov D. S. The system of settlement of the Alans of the Central Caucasus in the 1st millennium AD. T. 1–2. M.; – St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.
8. Korobov D. S. The Alans of the North Caucasus: ethnology, archeology, paleogenetics. – St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.
9. Kuznetsov V. A. Zilginskoe gorodishche v Severnoy Osetii [Zilginskoe gorodishche v Severnoy Osetii]. – Ordzhonikidze, 1986.
10. Malashev A. Yu. Ceramics of the early Medieval burial ground of Mokraya Balka. – M., 2001.
11. Malashev A. Yu. Alanian culture of the North Caucasus: the problem of early statehood, the population of the region in the 2–4 centuries BC, it was XIA. No. 234. – M., 2014.
12. Khokhlova O. S., Khokhlov A. A., Goleva A. A. Annex 1: Stratigraphic and microbiological study of the burial mound Brutus 2 in the Republic of North osseti - Alania // Gabuev T. A., V. Yu. Malashev monuments of the early Alan the Central regions of the North Caucasus. – M., 2009.
13. Toallagov A. A. North Caucasus from Scythian to early Alan: SOIGSI. – Vladikavkaz, 2007.